

A. Hill

POMAUKA
POMAUKA

А. Ш. Концлагерь «Ромашка»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11283075
Концлагерь «Ромашка». : Эдитус; Москва; 2015*

Аннотация

2031 год.

Население России стареет, Сибирь превращается в безлюдную пустыню, по стране прокатывается волна бунтов, организованных мигрантами и религиозными экстремистами. Напуганные власти решаются на крайние меры по спасению русского, украинского и белорусского народов. Тотальный запрет на аборты приводит к трёхкратному увеличению рождаемости. По всей стране разворачиваются бойскаутские лагеря – специальные учреждения для воспитания миллионов детей и подростков от двух лет до восемнадцати, куда свозятся сироты, а также дети, которых родители не могут прокормить. Из бойскаутов государство активно готовит солдат, крестьян и рабочих.

Однако, из этого правила есть исключения. Главный герой растёт в лучшем бойскаутском лагере страны под названием «Ромашка», где воспитывают одарённых детей. Этот лагерь готовит будущую интеллектуальную, научную и спортивную элиту России. Суровая атмосфера лагеря, в котором детей заставляют работать с десятилетнего возраста, а также

подвергают психическому и медицинскому воздействию, в конце концов подталкивает старших бойскаутов к сопротивлению. Озлобленные, они готовы добыть свободу чудовищными средствами, но не менее чудовищными методами по их усмирению действует власть...

Содержание

Первая глава	5
Вторая глава	21
Третья глава	41
Четвёртая глава	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

А.Ш.

Концлагерь «Ромашка»

Первая глава

Меня зовут Артём, я родился в 2013–м году, и, хотя мои родители разбились в автокатастрофе, когда мне было два года, я считаю, что мне очень повезло в этой жизни – я, по крайней мере, знаю их имена и берегу три их фотографии. Почти все сверстники, которых я знал, не имели и этого. Странно сказать, но теперь, когда я гляжу на выцветшие, вечно улыбающиеся лица матери и отца, то не испытываю никаких чувств, кроме любопытства – а была бы у меня та сила воли, тот незаменимый жизненный опыт и та удивительная биография, если б они остались живы? Вероятнее всего, нет.

Для многих детей – в особенности для сирот – жизнь в 2021–ом году круто изменилась. По России прокатилась волна кровавых бунтов, организованных мигрантами, и напуганные власти, опасаясь развала страны, решили принять срочные меры по спасению и реанимации славян – русско-го, украинского и белорусского народов. Сперва были запрещены аборт, гормональная контрацепция и выезд за границу для беременных женщин. Затем по всей стране, кроме

Московского и Петербургского регионов (подальше от глаз столичной публики) были развёрнуты бойскаутские лагеря – специальные учреждения для воспитания детей и подростков от двух лет до восемнадцати, куда свозились сироты, дети, оставленные в роддомах, подброшенные в больницы и церкви, и просто изъятые социальными службами из – за того, что малыши в некоторых семьях выглядели уж слишком худыми и недокормленными. В последних не было недостатка, поскольку в условиях запрета абортс рождаемость в стране взлетела в три раза и содержать пять голодных детских ртов у многих семей не было никакой возможности. Но зато матери получили возможность выбирать – кого из детей, посимпатичнее да попокладистее, оставить, а кого отдать государству. Детей, выросших в семьях, стали с этих пор называть свободными, а детей из бойскаутских лагерей – государственными.

Если вы меня спросите, где лучше – в детском доме или бойскаутском лагере, я отвечу без колебаний – в лагере. В детском доме к тебе относятся порой как к инвалиду – само название этого места подчёркивает твоё сиротство и одиночество. А избыточное количество игрушек и постоянно приезжающие спонсоры, которые глядят на тебя сочувственными глазами, точно ты чем-то серьёзно болен – всё это ужасно расшатывает детскую психику.

В бойскаутском лагере атмосфера гораздо бодрее – дети избавлены от чрезмерной опеки, у них есть жёсткий график,

который не оставляет времени на рефлексию, и чёткая цель в жизни – если бойскаут будет отлично учиться, или покажет себя выдающимся спортсменом, или работником – он сможет выбиться в люди, стать свободным человеком, и поднимется на одну значительную ступеньку в социальной лестнице, сможет даже завести семью. Поэтому, благодаря высокой конкуренции, обстановка в бойскаутском лагере несравненно более здоровая.

Кстати, о том, как выглядел наш лагерь. Представьте прямоугольник шесть на восемь километров, обнесённый по периметру пятиметровым бетонным забором, увенчанным колючей проволокой под напряжением. Только в одном месте, с северной стороны, этот забор прерывается – раздвижными воротами – которые несколько раз в день пропускают внутрь грузовики с продуктами и разным инвентарём, а выпускают обратно грузовики с мусором и вещами, сделанными девочками – рукодельницами. Выбраться из лагеря без разрешения невозможно, да и в случае, если это удастся, мальчик или юноша без документов далеко не уйдёт. Впрочем, с «Ромашкой», которая находится недалеко от границы, не всё так просто – очень целеустремлённый и находчивый обитатель лагеря может, перебравшись через забор в тёмное время суток, достаточно быстро преодолеть пятнадцать километров до границы и удрать в свободную страну. Одному из парней это в 2023–м году удалось – под покровом ночи 16–летний смельчак пробежал расстояние до границы за со-

рок минут, что, согласитесь, неплохо для пересечённой местности. Говорят, охрана в тот день праздновала день рождения директора лагеря и, будучи не совсем трезвой, хватилась беглеца лишь тогда, когда он уже был в другой стране. Так или иначе, после случая с беглецом Департамент бойскаутских лагерей сделал выводы – «Ромашку» окружили дополнительной оградой и несколькими дюжинами злобных ротвейлеров. Содержание ротвейлеров, как мне однажды удалось узнать, обходилось Департаменту в сто пятьдесят тысяч долларов в год – мясо дорогой продукт.

Внутри лагерного прямоугольника находится на севере и юге лес, состоящий из дуба, берёзы, вяза и сосны. Северный лес примечателен тем, что там расположены холмы и самая высокая точка лагеря, южный лес стоит на берегу продолговатого озера, служащего для бойскаутов местом летнего купания и круглогодичной рыбалки. И на севере и на юге лес аккуратно вырублен на расстоянии пятидесяти метров от забора – чтобы никому не взбрело в голову свалить сосну на забор и перебраться по ней на волю или воспользоваться с той же целью каким – нибудь дубом, сваленным на забор шальной молнией. Приближаться к забору на расстояние менее десяти метров нежелательно по всему периметру – бдительные охранники и видеокamеры отследят такого бойскаута, и ему придётся давать крайне неприятные объяснения в воспитательной комнате. Если объяснения не удовлетворят администрацию, можно быть оштрафованным и лишиться на

три дня нормальной пищи или даже быть отправленным в карцер, хотя сухой и с необходимыми удобствами, но, тем не менее, крайне неприятный: тёмный, с полной изоляцией не только от друзей, но и от звуков внешнего мира. Каждому бойскауту, кто бывал там, становилось так неуютно и тревожно из – за неестественной гнетущей тишины, что он старался больше никогда не совершать серьёзных проступков, чтобы туда не возвращаться.

В центре прямоугольника, почти на равном удалении от его сторон, располагается бойскаутский городок. В «Ромашке» в разное время содержались от десяти до двадцати тысяч бойскаутов всех возрастов, поэтому на территории городка стоит около сотни зданий – в основном, это казармы (никто в лагере не называл их «благоустроенные дома для проживания воспитанников», как гласил устав), а также три стадиона для физических занятий на свежем воздухе, площадь для проведения торжественных мероприятий, кинотеатр, совмещённый с фитнес – центром, несколько больших столовых, клиника, школы и три красивых здания администрации с претензией на русское барокко, стоявшие к югу от прочих строений за отдельной оградой и охранявшиеся – скорее, для виду – несколькими дюжими парнями, ранее работавшими в полиции. Строительство всего этого великолепия продолжалось четыре года – ко времени моего появления в лагере было закончено почти всё, кроме главного здания администрации.

К востоку от бойскаутского городка был разбит яблонево – вишнёвый сад, тянувшийся на целый километр, очень красивый в мае месяце, во время цветения, и привлекавший несметные тучи птиц в августе, когда, казалось, дрозды и галки всей Белгородской области слетались к нам клевать вишню. К западу от городка, между лесом и озером, тянулись поля картофеля, капусты, свеклы, моркови, клубники и прочих овощей и ягод – благодаря им лагерь в значительной степени сам обеспечивал себя продуктами и даже поставлял кое-что на продажу.

Единственная заасфальтированная вне пределов городка дорога уходила в северном направлении во внешний мир. Припасы по ней привозили рано утром, в пять или шесть часов, когда бойскаутам ещё полагается спать, и каждый грузовик дважды проверялся на предмет того, не успел ли запрыгнуть в него и притаиться среди мешков и коробок рискованный парень – при выезде из городка и перед северными воротами.

Лучшим моим другом среди бойскаутов был Илья Букетов. Он появился в лагере в свой 15–ый день рождения, что вообще редкость, поскольку взрослых ребят Департамент старается не брать – трудно переделать уже сформировавшуюся личность. Но в случае с Ильёй особого выбора не было – его отец, богатый когда – то бизнесмен, разорился и, опасаясь бывших партнёров по бизнесу, бежал из страны. Сыну он кинул на прощание короткую смс-ку: «Илья,

прости. Мне срочно надо уехать. Ты справишься. Котлеты в холодильнике». Матери и других родственников у Ильи не оказалось, поэтому в один прекрасный день он сам пришёл в районное управление социальной защиты и, всхлипывая, попросил определить его в бойскаутский лагерь, потому что об отце нет известий уже три месяца, жить ему не на что, на работу такого юнца не берут, а денег осталось буквально на несколько дней. Учитывая то, что Илья успел получить блестящее образование (он знал 4 языка и рулил в химии), его определили к нам в «Ромашку».

Первые недели в лагере были для парня настоящим шоком. Помню, что в один из этих дней я возвращался в казарму после вечерней пробежки. Уже темнело, почти все бойскауты расположились в своих комнатах и читали, готовили домашнее задание или играли разрешённое количество времени в компьютерные игры. Я поднимался к себе на четвёртый этаж с мыслью о горячем душе и вдруг увидел в коридоре понурую фигуру, которая брела, как привидение, и глубоко вздыхала. От природы я равнодушен к чужому горю, а жизнь в лагере обязывает поддерживать друг друга, потому что родных у вас нет, и если не поделитесь своей грустью с приятелями, то будете полночи плакать в подушку. Поэтому я окликнул фигуру:

– Эй, у тебя случилось что-нибудь?

Фигура распрямилась и обернулась. Лицо юноши показалось мне незнакомым.

– Да, можно и так сказать, – ответила фигура. – Я оказался здесь, вот что случилось. Это пока самое печальное событие в моей жизни.

– Постой. Ты новенький?

– Ага. На той неделе приехал. А ты?

– Я тут с семи лет. Эмм... Познакомимся? Артём.

– Илья. Илья Букетов. Чему ты улыбаешься?

Я улыбнулся, поскольку Илья представился с фамилией, как меланхоличный Джеймс Бонд.

– Всегда улыбаюсь после пробежки. Такой прилив сил чувствую, знаешь.

– А, понятно.

Я поближе рассмотрел парня. Вполне симпатичное, цилиндрическое лицо с правильными чертами увенчивали русые, коротко подстриженные волосы. В ярких глазах светился ум, а вздёрнутые уголки губ говорили о том, что у парня приятный и весёлый характер, который после трагических событий немного потускнел, как солнце, скрывшееся на небе за вдруг набежавшей тучей.

– Что это у тебя в руке? – спросил я, заметив, что Илья сжимает в правой руке какой – то маленький предмет.

– А, это... Лекарство от грусти. Мне его только что выписал врач и сказал принимать два раза в день по таблетке.

– Ну-ка покажи. Ух ты, малиновые! Видно, твоё состояние считают серьёзным.

– Не понял?

– Таблетки у тебя малиновые. Здесь выписывают три вида таблеток от депрессии – зелёные, голубые и малиновые. Эти – самые сильные. Знаешь, что от них бывает?

– Нет, расскажи, – Илья поднял брови.

Я рассказал ему, что Минздрав и Департамент бойскаутских лагерей испытывают на детях и подростках несколько комбинаций новейших антидепрессантов. Причём испытывают, как правило, на младших – у них больше проблем с адаптацией, и они больше страдают без родительской заботы. Если переест малиновых таблеток, случаются забавные побочные эффекты, вроде беспричинного смеха или временного отупения. А самый интересный и серьёзный побочный эффект – полная и необратимая потеря памяти о событиях, произошедших за несколько часов перед употреблением большой дозы – трёх или четырёх таблеток.

– Это зрелище, я тебе доложу. Пацан, объевшийся таблеток, часов семь – восемь на одном месте сидит – весёлый – весёлый, с улыбкой на губах и из стороны в сторону раскачивается. Малиновые таблетки даже выменивают у малышей на жвачку или конфеты – с ними столько розыгрышей можно устроить. Один раз засунули во время обеда две таблетки преподу по геометрии в пирожок с яблоком. Так он потом такой ржачный урок провёл, ты представить себе не можешь! Но, правда, после того случая весь класс заставили три дня после уроков работать на грядках.

– Жесткач. Я чего – то не хочу их пить.

– А и не надо. Отдай пузырьрёк мне, я тебя сам от грусти вылечу. Ты ведь почему грустный – потому что у тебя тут друзей не было. А теперь есть я. Друзья? – я протянул Илье руку.

– Друзья, – он широко улыбнулся.

– Ну вот же! Ты выздоравливаешь на глазах. Пошли ко мне в комнату, фильм посмотрим.

– Окей. А не запалят?

– Да брось, кому надо. Надзиратель Иван Алексеич – он как часы. Делает два обхода – ровно в одиннадцать вечера и утром в пять двадцать, когда грузовики приезжают. Между этими обходами можно хоть из пушек палить, он даже не почешется.

Илье пришлось привыкать не только к оригинальному лечению, но и к урокам духовности и патриотизма. Под этими загадочными формулировками скрывались закон Божий и лекции по государственной пропаганде. И если с учением Христовым нам повезло – благодаря остроумному протоиерею Игнатию, который всегда с юмором относился к нашей лености и праздности, то политическое просвещение было воистину ужасным. Во – первых, нам действительно промывали мозги. Во – вторых, эти занятия вел самый страшный человек в бойскаутском лагере – Георгина Матвеевна. Её мужеподобное лицо и раскатистый голос вызывали всеобщий трепет в радиусе ста метров от её фигуры, а о жестокости Георгины ходили легенды. Первую лекцию, которую она

нам рассказала в пятом классе, когда начались уроки патриотизма, я помню так же ясно, как если б это случилось вчера: «Бойскауты, вы рождены не для удовольствий! Русские – несвободный народ. Хорошо это или плохо, но это данность, с которой нужно мириться. Мы гордимся тем, что мы, несвободные, смогли добиться того, чего не сумели добиться свободные народы – мы первыми запустили человека в космос, мы делаем лучшее в мире вооружение, мы дали лучшую в мире литературу и мы сумели объединить нашу развалившуюся империю – тогда как Британская, Французская и Германская империи стали частью истории. Мы добились этого благодаря выдающимся качествам русского народа – покорности, уму, терпению и таланту. Вы часто переживаете, что живёте бедно и без родителей, много учитесь и работаете. Возможно, вы даже чувствуете себя людьми второго сорта. Это не так. Вы – и есть элита этой страны. Помните, что Спарта процветала, пока жила в спартанских условиях, и она погибла, как только погрязла в роскоши. Вы – спартанцы этой страны, у вас есть сила воли, терпение и умение справляться с жизненными трудностями. Лучшие из вас когда –нибудь возглавят эту страну, и тогда вы поймёте и почувствуете, насколько вы выше и сильнее изнеженных иностранцев и собственных сограждан, выросших в тепличных условиях, избалованных с детства заботой и вниманием».

В своём строгом костюме, напоминающем военный мундир, Георгина Матвеевна всегда была очень внушительна.

Не помню, чтобы она при мне надевала платье или другой наряд, хотя бы отдалённо намекающий на женственность. Те немногие случаи, когда она всё же одевалась неофициально – это были дни уборки картошки или прополки свёклы – тогда Георгина Матвеевна нацепляла обычные рабочие брюки и рубаху с длинными рукавами.

В сущности, именно Георгина управляла бойскаутским лагерем, номинально являясь заместителем по воспитательной работе директора Олега Родионовича, слабого сибарита, прожектирующего красивых старшеклассниц, личности совершенно ничтожной.

Нужно сказать и о девушках. Парни и девочки в «Ромашке», как и по всей стране, учились отдельно. Парней у нас было раз в шесть больше – психологи Департамента бойскаутских лагерей доказали, что девочкам тяжелее переносить лагерные условия, и большинство их воспитывалось в пансионатах и специальных церковных школах. Подозреваю, их бы и вовсе не было в лагерях, если б не то соображение, что парням надо хоть как-то привыкать к виду и поведению женщин. Разумеется, содержание в лагерях парней и девушек в пропорции 6 к 1 на пике пубертата нередко приводило к напряжённой обстановке в казармах и на уроках – не проходило недели без нового случая насилия – на что Департамент, по большей части, закрывал глаза, потому что за всеми не уследишь и всех в карцер не пересажаеть. К тому же, самые сильные и активные парни – от природы естественные лиде-

ры, и они следили за порядком в своих классах получше любых надзирателей.

У старших бойскаутов в бойскаутских лагерях случались и трагические любовные романы – поскольку всякая контрацепция в лагере запрещена, а аборт карается вплоть до пожизненного заключения, забеременевшей девочке 14–17 лет приходилось покидать лагерь и уезжать (обычно в другой регион, от соблазна подальше) в богадельню для мамочек (вообще-то официально эти заведения назывались «ясли полного цикла», но в разговорах их называли ещё и пожестче – например, «тюрьмой для дырок»), где девушка до 2 лет нянчила ребёнка, а затем его забирали в бойскаутский лагерь, потому что одиноким матерям воспитывать детей запрещалось, разрешалось только семейным. Саму же девушку могли задержать в богадельне и до двадцати, и до двадцати пяти лет – чтобы она нянчила уже чужих детей. Некоторые так и оставались при этих заведениях на всю жизнь.

Кроме того, ребята в лагерях скучали без родителей. Все как-то с этим справлялись, хотя бывало непросто. Легендами лагеря становились рассказы о счастливцах, которым удалось выбиться в люди, в элиту, и получить всеми правдами и неправдами доступ к медицинской тайне, узнать имена своих настоящих родителей, приехать к ним, какие бы они ни были, или иногда (это очень грустные истории) взглянуть на их могилы, посмотреть на дома, где они жили, достать на память фотографии. У каждого из ребят была такая любимая

история – со счастливым концом, не очень или совсем печальная. Многие даже выдумывали имена своим воображаемым родителям и придумывали воображаемые же биографии, чтобы проще было жить.

При всём этом, обстановка в у нас в «Ромашке» царила довольно дружелюбная и смиренная. Каждый день мы просыпались в семь утра. Я делал короткую зарядку, мылся в душе и съедал три бутерброда, а уже в семь сорок надо было в отглаженной и чистой форме, с аккуратной причёской идти на утреннюю линейку.

Линейка стартовала в восемь утра – выстроившись в стройные ряды по росту и возрасту, мы со скучающими лицами наблюдали за торжественным поднятием флага и чуть более бодро горланили гимн (бойскаут, замеченный с закрытым ртом или поющий не все слова, отправлялся в карцер на сутки за подрыв дисциплины). После торжественной части наступала нравоучительная: Георгина Матвеевна, чеканя шаг по плацу, как заправский полковник, объясняла нам, зачем мы родились на свет – приносить пользу, пользу, пользу Родине. Каждое утро она находила, чем нас пристыдить за безделье и сибаритство: то замечала, что каждый бойскаут обходится государству в двадцать долларов в день, из которых даже мы, старшеклассники, отрабатываем только десять, то сообщала, что Департамент передумал снабжать «Ромашку» новыми ноутбуками, потому что в этом году бойскауты нашего лагеря не смогли так же хорошо отличиться в

олимпиадах по физике и истории, как в предыдущем. Повод выругать нас находился всегда.

Отчитанные таким образом нераскаявшиеся грешники, мы расходились на занятия. С девяти часов утра и примерно до трёх мы грызли гранит науки.

В три часа дня мы утоляли голод хорошим обедом, состоявшим из трёх блюд, из которых, впрочем, только одно (компот) было без недовеса. Тридцать граммов мяса, слизанных с каждой нашей котлеты или отбивной, давали в сумме ежедневно полтонны говядины, которую частью приворовывал персонал столовой, а частью реализовывал милейший наш директор Олег Родионович, продавая её одной сети магазинов Белгородской области по сдельной цене. Несмотря на то, что в бойскаутском лагере не с кого брать взятки, директор наш явно не бедствовал.

После обеда у нас был час на отдых, а затем часов до семи мы работали в поле или в мастерских. Не могу пожаловаться на условия работы. В бойскаутском лагере упорно ходило словечко «барщина», когда речь заходила о лопатном и тяпачном труде на картофельных и свекольных полях, но я всегда представлял себе, что работаю так на собственной даче вместе с воображаемыми родителями и дедом, и это примирало меня с действительностью.

С восьми вечера и до пол – одиннадцатого было время, которым мы могли распоряжаться по своему усмотрению. Поужинав, можно было погулять с друзьями, списать домашнее

задание по алгебре, которую я не терпел, побегать на стадионе или в фитнес – клубе, если то была удачная неделя, когда ты заслуживал право заниматься на тренажёрах, или же полчаса (разрешённое время) посидеть в Интернете.

Так шло время, пока не начали происходить неожиданные и страшные события, сильно повлиявшие на жизнь нашего лагеря.

Вторая глава

Однажды заболел один из младших бойскаутов и всеобщий любимец, 8–летний Миша Маринич. У него поднялась температура до 40 градусов и начался бред. На дворе был ноябрь, многие грипповали, и все рассудили, что это грипп, хотя и в необычно тяжёлой форме.

В комнате Миши, ввиду его состояния, посменно дежурили молодые медсестры – Лера и Алёна – бывшие воспитанницы лагеря. С Алёной я немного общался: она беспрепятственно могла ездить во внешний мир, и я узнавал у неё разные белгородские новости.

В третий день мишиной болезни Алёна встретила меня поутру – кажется, перед линейкой – и сообщила, кроме прочего, что Миша совсем плох: бред усилился, и он постоянно повторяет: «Хочу французский шоколад! Артём, дай хоть кусочек!»

Я покраснел.

– Ну как тебе? – спросила Алёна.

– Ужасно. Кто это слышал, кроме тебя?

– Никто. Ну, может быть, Лера слышала в свою смену.

– Он больше ничего не говорил?

– Нет.

– А другие имена называл?

– Нет.

Это была неприятная новость. Конечно, я знал, о чём Миша бредил. Французский шоколад с изюмом, очень нежный на вкус – наверное, мальчик за всю свою жизнь не пробовал ничего вкуснее. Такой шоколад в бойскаутский лагерь, разумеется, не завозили – мы вообще ели мало сладостей (Департамент считал, и, конечно, справедливо, что шоколад дорог, а подростки, которые потребляют мало сахара, существенно экономят на услугах стоматолога). Французский шоколад мы доставали с немалым риском в северном лесу. Выглядело это следующим образом. Один или два раза в месяц, в тёмную безлунную ночь, к внешней границе лагеря пробирались российские правозащитники. Они несли с собой пакеты, набитые разными подарками для бойскаутов: гаджетами, сладостями и другими сувенирами. Кроме того, правозащитники привозили на джипах мощные станковые арбалеты. При помощи арбалетов пакеты с подарками перебрасывались через ограду на территорию лагеря, в северный лес, а дальнейшая судьба сувениров зависела от того, кто их подберёт – охранники лагеря или бойскауты.

Отправленные правозащитниками подарки в лагере были под запретом (за один найденный фантик от запрещённой конфеты полагались три дня карцера и несколько утомительных нотаций в воспитательной комнате). В день, когда, по сведениям администрации, ожидался приезд правозащитников, подросткам запрещали покидать территорию городка, а охранники лагеря, наоборот, выходили в лес на поиски тро-

феев. Дальнейшая судьба собранных охранниками трофеев мне неизвестна, но, рискну предположить, прохвост наш директор Олег Родионович их перепродавал.

Разумеется, мы не могли допустить такого положения дел, когда на нашу долю ничего не доставалось. Северный лес был холмист и изрезан оврагами – как-то раз на прогулке я и двое моих приятелей заметили, что раскидистый вяз и две мохнатые ели, растущие на склоне оврага, закрывают своими ветвями вход в пещеру. Пещера была неглубокой, метров до пяти, с глинистым полом и сводами. Мы сразу сообразили, что эта пещера открывает перед нами большие перспективы.

Здесь надо пояснить, что мы, равно как и администрация лагеря, заранее знали, что в такой-то день предстоит вылазка правозащитников. Объявления об этом – часто в иносказательной форме – развешивались сразу на нескольких сайтах в интернете, и мы внимательно их отслеживали.

На охоту за сувенирами мы выходили до октября, пока по ночам не стало холодно. Разводить костёр в лесу для обогрева было слишком рискованно, потому что дым легко могли заметить охранники, и если бы это случилось – прощай всё: подарки, укрытие и авторитет среди сверстников, который мы с Ильёй и несколькими приятелями сумели заработать благодаря своим дерзким вылазкам. Наша тайна была бы рассекречена, пещера зарыта, да ещё, пожалуй, одним карцером наказание бы не ограничилось: нас вполне могли сослать в дисциплинарный лагерь, учитывая продолжитель-

ность и систематичность нарушения дисциплины с нашей стороны.

Теперь на дворе был ноябрь. Днём столбик термометра едва переползал за ноль, ночью было и того холоднее.

Мне очень трудно это объяснить, но в тот день, когда я услышал от Алёны про Мишу, который бился в горячке и бредил французским шоколадом, во мне проснулось родственное чувство. Или, не знаю, может быть, братское чувство. Мне вдруг стало ясно, что я должен достать эти проклятые французские сладости, невзирая ни на какой мороз и лишения, потому что этого хочет маленький человечек, которому очень плохо и у которого в целом мире, представьте себе, больше никого нет.

Я встретил Илью на линейке и, когда поднятие флага и летучка закончились, сжал ему руку:

- Нужно поговорить. Лучше в моей комнате.
- Но до занятий десять минут.
- Целых десять минут. Мы успеем.

Когда дверь моей комнаты захлопнулась за Ильёй, я сказал:

– Нам нужно достать трофеи. Сегодня же или завтра. Сейчас как раз новолуние и облачно, мы можем списаться с правозащитниками по зашифрованному каналу.

- Ты с ума сошёл? По ночам минус десять.
- Мы справимся.

Илья пристально посмотрел на меня, точно хотел удосто-

вериться, не рехнулся ли я и вправду. Не заметив ничего подозрительного, он осторожно спросил:

– А почему именно теперь?

– Миша Маринич тяжело болен и бредит французским шоколадом.

– Ах, вот оно что. Не знал.

– Мне Алёна утром сказала.

– Ладно, я тебя понял. Мне нужно подумать.

– Как знаешь. Думай до вечера. Если не готов, я пойду один.

– Ну хорошо, а как ты собираешься ночевать в лесу? Шуб у нас нет, за пару часов там можно ноги и руки отморозить.

– Есть идея. Можно взять в столовой несколько брикетов бездымного угля.

– Что значит взять? Украсть?! Ты знаешь, чем это грозит?

– Ну почему сразу украсть? Скажем Марии Фёдоровне, что нам нужно для лабораторной по химии.

С Марией Фёдоровной, старшей поварихой, я был в отменно хороших отношениях, поскольку сделал ей несколько подарков из тех самых трофеев, что мы собирали в лесу. Их происхождение я объяснял ей так, что у Ильи остались на свободе дальние родственники, которые присылают ему время от времени ценные подарки. Мария Фёдоровна была единственным человеком из персонала, который настолько вызывал доверие, что я рискнул переманить её на нашу сторону скромными подношениями. Она была добродушной,

простой тётушкой и можно было быть уверенным, что она говорит и действует безо всякой задней мысли. Кроме того, дружба с Марией Фёдоровной была очень полезна с практической точки зрения. Благодаря ей, мы с Ильёй зачастую получали лучшие куски и соки без недолива.

– Да, она, наверное, ничего не заподозрит, – после раздумий согласился Илья.

– Тогда решено? – я сунул Илье руку.

– Ты опасный человек, Артём. У тебя талант вести за собой людей, – рассмеялся он. – Согласен. Если даже что-то сорвётся, будем сидеть в соседних комнатах карцера и перестукиваться друг с другом. Это меня утешает.

С брикетами нам повезло. Мы специально пришли обедать поздно, чтобы остаться в столовой последними, и мне удалось в немногих словах объяснить Марии Фёдоровне, что семь – восемь солидных брикетов бездымного угля – это наша заветная мечта на сегодня. В результате, мы получили даже гораздо больше – добрых полмешка спрессованных тёмных брусков. «Не Бог весть какое сокровище», – обронила Мария Фёдоровна, плюхнув мешок перед нами и жестами попросив уносить его поскорее. Как выяснилось, лагерю они достаются задёшево, а мы-то с Ильёй считали, что они идут почти на вес золота. Ведь для нас так оно и было! Мешок мы сперва, со всеми предосторожностями, утащили в мою комнату, а там запихнули его в спортивный рюкзак. После этого мы облачились в нашу зимнюю форму и направились

в северный лес. Рюкзак я нёс за плечами и все три километра от городка бойскаутов до опушки леса поминутно оглядывался – не присматривается ли кто к нашему облачению – спрятанный в рюкзаке мешок, несмотря на все наши старания утрамбовать его поплотнее, топорщился как камень. Но никто ничего не заметил. Добравшись до пещеры, мы спрятали мешок по-надёжнее и перевели дух.

– Ну, теперь вроде всё готово, – резюмировал Илья. – Даже не ожидал, что получится. А куда ты так внимательно смотришь?

Я молча указал пальцем на две дорожки следов, оставленных нами на мокрой земле.

– Следы. Мы оставили следы. И они ведут прямо к пещере.

Мы быстро накидали палой листвы перед входом в пещеру.

До вечера мы прожили в довольно приятном и щекочущем нервы ожидании. Во всех приключениях, как бы опасны они ни были, есть что-то щемяще приятное, что-то от самой сути мужественности, а наше приключение было к тому же связано с таким благородным порывом, что мы не могли хоть на секунду собой не залюбоваться. Улыбки с наших лиц пропали лишь перед самым завершением учёбы (в ноябре она длилась дольше, чем летом, почти до пяти часов, поскольку в холодное время года нельзя работать на улице). Выходили мы из городка налегке. Наши приятели перед вы-

лазкой, как всегда, пожелали нам удачи. Перед выходом мы ещё раз проверили ноутбуки и всю аппаратуру – всё должно было сработать как нельзя лучше, во время обхода охранников наши голоса должны были ответить из пустующих комнат за нас. Но на всякий случай мы проверили заряд батарей и даже почистили компьютеры от пыли.

В администрации, скорее всего, знали, что вечером предстоит вылазка правозащитников. Охранники чуть внимательнее обычного приглядывались к бойскаутам и вечером даже досмотрели пару – тройку человек с сумками, что случилось только в ответственные дни. Но мы с Ильей были в своих обычных форменных куртках, налегке, с улыбками на лицах – никто не мог подумать про нас плохое.

Слегка попетляв на всякий случай, мы через час или около того дошли до опушки. Сразу влезать в пещеру и мёрзнуть там ещё час – полтора в наши планы не входило, и мы решили погулять слегка по лесу. Состояние Миши за день не улучшилось. К нему вроде бы вызвали хорошего областного педиатра, но приедет он или нет, было неизвестно. Мы прекрасно знали, что на свободе к нам – даже к лучшим из нас – всё равно относятся как к людям второго сорта. Если в «Ромашке» погибнет один, пусть талантливый мальчик, останется ведь ещё почти 20 тысяч.

В восемь часов мы наконец заняли нашу стратегическую позицию. В это время на высоком ограждении лагеря включились мощные прожекторы – их лучи прошли воздух, точ-

но предстоял налёт вражеских бомбардировщиков, и забегали по окрестным пролескам, по полям, по низким тучам. Определённо, администрация ждала гостей.

Я достал из рюкзака бинокль и нетерпеливо стал рассматривать пейзаж, расстилавшийся за оградой. Но время шло, томительно тянулись минуты, а признаков жизни всё не было видно.

– Неужели не приедут?... – раздражённо пробормотал я. – Да почему же именно в такой день?

– Пустота? – спросил Илья.

Я кивнул головой и снова припал к биноклю. Вдруг где-то южнее нас раздался слабый треск ломающихся веток, затем ещё и ещё.

– Это они?

– Да.

– Ты видишь, откуда они стреляют?

– Нет, не вижу, но они целятся гораздо южнее. Блин. Скверно.

– Так что, выходим?

– Нет, подожди, там могут рыскать охранники. Посмотрим – может быть, пара пакетов приземлится поближе к нам.

Илья промолчал и взял у меня бинокль. Минут пять ничего не происходило, я грыз ногти и уже начал озираться в поисках мешка с брикетами – пока мы сидели в низком старте, я совершенно не замечал холода, но теперь тело буквально начал сотрясать озноб.

– Ты смотри, а я пока уголь подготовлю.

– Подожди. Так и есть! Удача!

Треск ломающихся веток послышался неподалёку от нас.

– Где он?

– Вот там, чуть правее... – отозвался Илья. – Нет, не за-

бирай у меня бинокль, а то я потеряю его из виду. Это наш трофей, точно тебе говорю. Я вижу большой красный пакет.

Илья ещё несколько секунд наблюдал, а затем чуть выдохнул:

– Недалеко отсюда. Но, правда, он застрял в ветках. И лезть довольно высоко.

– Блин, засада.

– Что будем делать?

– Как что? Пошли, у нас мало времени!

Мы сорвались с места и начали продираться сквозь тьму, то и дело натываясь на ветки кустарников. Когда мы оказались, наконец, у цели, выяснилось, что пакет с трофеями застрял на высоте метров в десять над землёй, в крючковатой кроне огромного вяза. Никакой возможности стрясти его с дерева не было.

Выбирать того, кто полезет наверх, не пришлось. Я едва ли не лучший в лагере спец по лазанью по канату, и мне было только немного неприятно думать о своей зимней форме – куртка могла порядочно испачкаться, а то и изорваться. Впрочем, вяз – превосходное дерево для лазанья, он почти всегда раскидистый, с толстыми, ухватистыми ветками.

Этот вяз, который захватил в плен наш трофей, рос к тому же от самой земли не прямо, а под углом, что, несомненно, облегчало задачу.

Пять метров я преодолел, как кошка. Дальше начались сложности, потому что к шару надо было подползать по толстой, но уже вызывающей опасения в плане равновесия ветке, уходящей вбок от главного ствола. Когда мне осталось два метра, я поглядел вниз, на Илью. Тот радостно улыбался и покивал мне. Луч его фонарика весьма аппетитно гулял по пакету с сувенирами. Там внутри, подумал я, конечно же, несколько электронных безделушек, айфоны 19-ой модели, чипы с играми, и, конечно, много сладостей, среди которых обязательно найдётся несколько плиток французского шоколада, потому что без них...

Вдруг вдалеке раздался хруст. Мы замерли. Несколько секунд я слышал биение своего сердца и дыхание – оглушительное дыхание. Хруст повторился чуть явственнее. Я похолодел – если только можно было ещё похолодеть после трёх часов на морозе – и каким – то не своим, страшным шипящим шёпотом приказал Илье:

– Выключи фонарь, скорее!

Луч света пропал. Мы напряжённо прислушивались, и вскоре хруст начался снова, и уже не прекращался – он стал приближаться к нам.

Полминуты я сидел как парализованный. Даже мысли меня не слушались. Потом ко мне вернулась возможность ду-

мать. Первая мысль, самая дурацкая и неприятная, была про дисциплинарный лагерь, скотские условия и то, что теперь задача выйти в люди значительно усложняется. Вторая мысль была про Мишу. Бедный мальчик.

Затем я понял, что у нас ещё есть возможность бежать.

– Илья, я спускаюсь, – шёпотом сказал я.

Ответа не последовало.

– Илья, ты слышишь? Нам надо бежать.

Молчание. Загадочное молчание.

– Ты... ты что, сбежал один?... – зачем-то спросил я вслух. Мысль о том, что мой лучший друг меня бросил, была шокирующей настолько, что я опять застыл, даже не начав слезать с ветки. И тут же понял, что для меня бежать уже поздно – хруст шагов доносился совсем уже близко, и темноту рассеял луч незнакомого фонаря – гораздо более сильного, чем у Ильи.

– Так – так – так, – раздался смутно знакомый голос. – Кого я вижу? Кто это у нас тут нарушает дисциплину?

Свет фонаря ударил мне прямо в глаза, и я зажмурился.

– Ба! Ха-ха. Вот уж не ожидал увидеть. Артём Извольский собственной персоной! Примерный юноша, победитель олимпиад, гордость лагеря.

В охраннике я, разлепив веки, узнал Сотникова – бывшего прапорщика, а теперь «генерал – атамана» каких – то казачьих войск, который в лагере был известен привычкой выкручивать уши провинившимся десятилеткам и любовью к

пиву, вследствие которой его фигура каждый год расширялась на несколько сантиметров.

– А знаешь, Артём, как мерзко жить в дисциплинарном лагере? Там заставляют вкалывать от зари до зари, чистить коридоры и туалеты, и очень скверно, братец ты мой, кормят. А какой там контингент... ммм! Знавал я одного пацана, который до лагеря убил своих родителей, а потом ещё в дисциплинарке проткнул парню ножом почку. Там не та малина, что здесь. Ну да, впрочем, сам увидишь.

– Навещать – то хоть будете? – попытался сострить я, но голос был каким – то упавшим.

– Конечно, мой мальчик. Слезай. Хватит уже изображать Маугли.

– Послушайте, я не хочу в дисциплинарку. Может, как –нибудь договоримся?

– Договоримся? Бха. Ха-ха! О чём? Что ты можешь мне дать взамен на молчание? Деньги? Откуда у тебя деньги?

– Нет, но я... я могу... давать вам по одному трофею из нашей добычи, начиная с этого дня, целый год. Там 19–е айфоны. Они очень дорогие. Каждый по тысяче долларов стоит, а может и больше. Представьте, сколько вы сможете заработать, если будете получать их каждую неделю. Можно сказочно обогатиться.

– Взятку мне хочешь дать, парень?

– Ну... да. Можете называть это взяткой. Пожалуйста, ну что вам стоит? От того, что я попаду в дисциплинарный ла-

геря, лучше никому не станет.

– Как это никому? Дисциплина и порядок явно выиграют.

– Не ломайте мне жизнь, прошу вас.

– Хммм... Согласиться, что ли?...

Моё сердце забилося чуть чаще и радостнее.

– ...но только такого стреляного воробья, как я, на мякине не проведёшь. Слез с дерева, быстро!

Я вздохнул и начал было ползти по ветке назад, но тут произошло чудесное и неожиданное – сзади Сотникова мелькнула тень, размахнулась и ударила моего мучителя по голове чем-то похожим на бейсбольную битку. Послышался глухой стук, короткий стон, и свет фонаря судорожно заматался в разные стороны. Тело Сотникова обмякло и упало в листву лицом вниз.

– Прости, что меня долго не было. В темноте не так просто быстро отыскать подходящую дубинку, – слышался извиняющийся голос Ильи.

– Спасибо!! Я уж думал, что мне больше не видать ни тебя, ни друзей. Он меня тут запугивал, ссскотина! – я с отвращением и беспокойством поглядел на Сотникова, смиренно лежащего на животе. – Ты не убил его?

– Какое там. Слегка оглушил. Скоро очнётся. Только шишка останется.

Я спустился с вяза и осмотрелся.

– Что будем с ним делать? Когда он вернётся и всё расскажет, нам не только вылазку за сувенирами впаяют, но и на-

падение на службу безопасности. Это уже не дисциплинарка. Это пахнет тюрьмой.

– Ничего он не расскажет, – усмехнулся Илья. – Я кое-что прихватил с собой.

Илья порылся в своём небольшом рюкзаке и достал оттуда два предмета – пузырёк и литровую флягу, которую я сперва принял за термос.

– В пузырьке малиновые таблетки – никогда их не пью, но всегда ношу с собой, потому что они прописаны, и педагоги могут проверить их наличие, – пояснил он. – А тут у нас...

– Фляга коньяка?! Как ты её достал?

– Не только у тебя есть полезные знакомства с поварами столовой, – подмигнул Илья, пока я ошарашенно рассматривал флягу. Отвинтив колпачок, я принюхался, и ароматы дуба, розы, мёда, каких – то ещё сладостей ударили в нос. Коньяк был очень хороший.

– Никогда бы не подумал, что ты пьёшь.

– Вообще – то не пью. Но мы собрались провести морозную ночь в лесу, и я подумал, что коньяк может нам пригодиться.

Тело Сотникова издало короткий глухой стон.

– А вот Сотников – известный алкоголик, – продолжал Илья, пнув тело ногой, – и когда утром его найдут пьяным, в беспомощности, в обоссанных штанах и с пустой флягой коньяка в руке, это будет так же удивительно, как восход солнца, то есть вообще никак не удивительно.

– Свяжем ему руки?

– Пожалуй, не стоит. А то останутся следы на запястьях. Давай сразу за дело.

Мы не без труда приподняли Сотникова в полувертикальное положение, на колени. Он ещё ничего не соображал и, видимо, страдал сильнейшим головокружением. Илья откупорил фляжку и поднёс Сотникову под нос.

– Будешь пить? – ласково спросил он. Сотников издал неопределённое, но скорее радостное похрюкивание. – Тогда открывай ротик и будь послушным мальчиком.

Я потянул Сотникова за подбородок вниз, его обширная ротовая полость открылась, обдав меня не совсем свежим запахом, и Илья всыпал туда целую пригоршню малиновых таблеток, после чего влил в рот охраннику жидкости на три хороших глотка.

– Эх, жалко хороший коньяк на такого борова переводить, – с сожалением заметил он.

Мы подождали, пока таблетки и алкоголь дадут нужный эффект. Нужный эффект последовал стремительно – уже через три минуты Сотников с лицом умственно отсталого глядел перед собой и совершал странные – не то подрагивающие, не то волнообразные – движения всем телом, как кусок желе, который тронули пальцем.

– Вот и славно, – одобрительно заметил Илья, пряча во внутренний карман пузырёк с неиспользованными пилюлями.

– Надеюсь, он тут не замёрзнет.

– За несколько часов точно нет. Его ведь ещё до утра хватятся.

– Да, верно. Знаешь, нужно ещё подпоить его немного до полной кондиции, заодно и согреется, – ко мне наконец вернулась способность нормально соображать после пережитых волнений. – И потом заметём всё тут, чтобы не было следов этой возни.

– Само собой. А ты пока достань пакет с трофеями, я с пустыми руками уходить не согласен.

– Ах да, сейчас.

Во второй, более удачный раз вся процедура снятия трофея с вяза заняла у меня несколько минут. С нетерпением мы вскрыли упаковку и, к нашей радости, обнаружили там всё желаемое – в ней были и 19-е айфоны, совершенно новые, считывающие рисунок сетчатки глаза владельца, и чипы с музыкой, и химические шарики для еды – совершенно безвредные, но способные придать любой пище желаемый вкус – или дыни, или крем – брюле, или пудинга, что было особенно приятно, когда приходилось поглощать перловку или пресный рис. Наконец, мы нашли больше килограмма сладостей, и в их числе – шесть плиток французского шоколада в ярко – синих обёртках – они блестели среди других трофеев как бриллианты.

– Прекрасно, – с удовольствием отметил я.

Сотников издал мычание, какое мог издать только пьяный

и очень одуревший от таблеток человек. Он продолжал колыхаться, стоя на коленях, и мне представилось, что для таких движений гораздо больше бы подошла поза Будды – тем более, что у Сотникова не сползала с лица характерная полуулыбка.

Минут пятнадцать нам потребовалось на то, что привести поляну перед вязом в надлежащее состояние. Напоследок Илья ещё подпоил Сотникова, так что во фляге осталось коньяка едва ли не на доньшке – во всяком случае, гораздо меньше половины. Завершив эти важные дела, мы направились обратно к пещере.

До утра мы дожили без особенных приключений – в пещере, благодаря костру из бездымных брикетов, было почти тепло, и мы даже по очереди подремали до полседьмого, когда настала пора возвращаться в городок.

В семь часов мы дошли, поминутно озираясь и ожидая столкновений с патрулями, до стадиона, но наши опасения оказались напрасными – охрана усилена не была, на плацу уже сновали первые бойскауты. Некоторые делали утреннюю зарядку и бегали, пуская клубы пара, по дорожкам и тут и там в пределах видимости. Мы с Ильёй тоже припустили бегом, делая вид, что вышли размяться, как и спортсмены. Так, бегом, мы добрались до своих домов. Лишь только влетев, порядочно запыхавшись, в свою комнату, я сполз на стул от накотившей усталости и нащупал в кармане куртки плитки шоколада. Теперь их предстояло передать тому, кто очень о

них мечтал.

Рискуя опоздать на линейку, хотя на фоне пережитого ночью это было бы мелким проступком, я добежал, переодевшись в сухую и чистую форму, до дома младших бойскаутов № 14, в котором жил Миша. Осторожно постучал в дверь. Через минуту её открыла заспанная Алёна, с тёмными кругами под глазами. При виде меня она выжидательно улыбнулась.

– Как он?

– Наконец – то лучше. Уже не бредит, и температура всего 38. Знаешь, врач вчера сказал, что, может быть, всё-таки не грипп, а пневмония.

– Можно на пару минут зайти?

– Да, если хочешь. Только недолго. Сюда может комендант заглянуть.

– Хорошо.

Алёна пошла в ванную умыться, а я присел на кресло у изголовья мишиной кровати. Он не спал и повернул ко мне голову.

– Ты как, чемпион? Выздоровливать будешь?

– Буду, – ответил Миша.

– Молодец. Я тут кое-что принёс в подарок, чтобы это случилось поскорее. Только это – тссс! – наш большой секрет. Даже Алёне и Лере нельзя говорить.

Я достал из кармана три большие плитки французского шоколада. Глаза Миши, болезненные, грустные, зажглись

вдруг ярким огнём. Он потянулся рукой к подаркам и благодарно посмотрел на меня.

– Спасибо, Артём.

– Спрячь их под подушку. Когда никто не увидит, сможешь съесть. Хорошо?

– Ага.

– Ну всё, мне пора бежать. Пока.

На линейку я успел ровно за минуту до восьми утра, но мог бы, как выяснилось, не торопиться – для нашего потока она началась со значительным опозданием, поскольку служба безопасности и педагоги решали, что делать с найденным в лесу Сотниковым – везти его в вытрезвитель, в Белгородский госпиталь для лечения обмороженных пальцев, или же обе проблемы можно решить на месте.

Третья глава

В раздевалке спортзала было народу немного, но от нескольких парней после тренировки пахло так, что резало глаза. Я неторопливо стащил с себя кроссовки и с интересом посмотрел на свои ноги в светлых носках – нет, с прошлого раза как будто никакой разницы. Но весы и зеркало не могли врать: за год я прибавил шесть килограммов – я вырослел, у меня были теперь накачанные бедра, а на голених красовалась довольно густая шёрстка. В последнее время я всё чаще любовался своими красивыми ногами, представляя, что когда – нибудь, года через два – три, на свободе, будет точно так же их разглядывать девушка, которой я понравлюсь.

– Парни, поздравьте меня – влюбился! – раздался весёлый голос справа от облюбованной мною скамейки. Вслед за голосом послышался характерный звук – звук похлопывания себя по голым ляжкам в состоянии радостного возбуждения.

Я вышел из минутной задумчивости и посмотрел направо: там стоял Андрей Олешук, совершенно голый и мокрый после душа. Он намеренно не спешил одеваться, демонстрируя парням свои выдающиеся физические достоинства. Андрей занимался плаванием и был чемпионом области в юношеском разряде, потому и тело у него было настоящим шедевром – до такой степени, что парни стеснительно отворачивались, скользнув по нему взглядом.

Андрей играл на нашем потоке роль альфа – самца – и, надо сказать, вполне заслуженно. Он был не только очень силён, развит физически и, что уж там, действительно красив – он был к тому же неглуп и феерически энергичен. Если требовалось организовать какой –нибудь праздник, конкурс, поставить театральное представление, сыграть в КВНе и т. д. – можно было не сомневаться, что главным организатором будет именно Андрей.

Только альфа – самцы в лагере могли претендовать на встречи с противоположным полом. В целом, такие отношения были под запретом, парни и девушки учились отдельно, вход парням на территорию женских общежитий и наоборот карался немедленным заключением в карцер, но на эпизодические – или постоянные, но вне территории городка – встречи администрация закрывала глаза. Так альфа – самцов поощряли за их действительно нелёгкую работу по поддержанию дисциплины на низовом уровне. Совершенно без последствий для себя Андрей мог отвесить подавляющему большинству одноклассников тумака или даже выбить зуб. Нрав у него был несдержанный, и такое действительно неоднократно происходило – в худшем случае, за подобные вольности его отчитывали. Меня – как бойскаута тоже выдающегося – он побить не мог, тут уже последовали бы санкции администрации, поэтому я был на потоке на выгодном положении бета – самца – общались мы с Андреем примерно на равных, но встречаться с девушками мне было нель-

зя. Как – то раз в лагере один из парней попробовал нарушить эту негласную субординацию, и неделю встречался с 16-летней – и, к слову, не самой красивой – девушкой. Его нашли однажды утром, валяющегося на плацу и избитого до полусмерти. На вопрос, кто с ним такое сделал, он ответил, весь трясаясь от страха, что упал с лестницы и несколько раз неудачно ударился. Большого от него не удалось добиться ни педагогам ни психологам, сколько они ни бились. Всем, впрочем, было понятно, что это коллективная месть альфа – самцов. Действительно, девушек в лагере и так было мало, а готовых встречаться с парнями, учитывая все опасности и постоянную пропаганду целомудрия, которой их долбили каждый день – и того меньше. Поэтому девушек едва хватало самим альфа – самцам. Парням не из их числа приходилось обходиться со своей пробуждающейся мужественностью древним юношеским способом и, стиснув зубы, ждать восемнадцатилетия. Тем не менее, когда Олещук радостно оповестил всех в раздевалке, что у него новая девушка, всем пришлось выразить радость. Мало того, всем пришлось постараться выразить радость таким тоном, чтобы Андрей не почувствовал, что она поддельная.

– Поздравляю, чувак, дай лапу!

– Мужик!

– Респект, Андрюха!

Когда поток поздравлений и восклицаний иссяк, Олещук кратко рассказал:

– Её зовут Алиса, и это самая классная девчонка из потока десять – двенадцать (потоками у нас назывались уровни вроде школьных классов – ввиду многочисленности бойскаутов классы нельзя было обозначать буквами, и они именовались дробными цифрами: 10/1, 10/2, 10/16, 10/45 и так далее). Губки у неё просто сахар.

– И что, знакомство уже глубокое? – спросил кто-то.

– У нас было только первое свидание. Она дала мне пощупать свои прекрасные грудки. Но скоро я доберусь до остального, можешь не сомневаться.

Упомянув грудки, Андрей поневоле начал возбуждаться, в связи с чем незамедлительно обмотался вокруг пояса полотенцем.

– Ей не страшно? Ты – то ладно, но если поймают её, мало не покажется, – заметил я.

– Со мной, Артём, никому никогда не страшно. К тому же мы умные и встречаемся там, где нас не поймают.

– Интересно знать, где же.

Олещук бухнулся на скамейку рядом со мной и положил руку мне на плечо:

– Хочешь подсмотреть?

– Нет.

– Неужели не интересно поглядеть на мою самую красивую девушку?

– Нет.

– По глазам вижу – завидуешь.

– Да пошёл ты.

Олещук захохотал.

– Послушай, – сказал я, начиная раздражаться, – если у тебя по две девчонки в месяц, а у остального потока ни одной за год, можно быть поскромнее и не орать об этом на каждом шагу.

– Ага, значит, ревнуешь?

– Не особенно. Если б я думал весь день напролёт: «О, как я завидую, я ревную как Отелло, когда вижу Олещука...» – да я б рехнулся! Это не так. Я рад, что у тебя есть девушка. Но здесь не дураки собрались – все мы знаем, что у остальных шансов никаких. Никаких. В лагере на сто парней одна смелая девчонка, и то если считать всяких страшных дур, которым просто терять нечего. Мне до девятнадцати лет осталось два года – я уж как – нибудь потерплю это время, как уже вытерпел шестнадцать.

Олещук пожал плечами:

– Мне понятны твои чувства. Дружок, поверь, мне тоже грустно, что все мы здесь. Но отказаться от девушки я сам не могу. Если есть одна самка на сто самцов, получить её должен сильнейший, то есть я. Таков закон природы. Верно, парни? Ведь никто здесь не сомневается, что я – сильнейший?

Все молчали. Я довольно угрюмо возился с брючным ремнём. Остальные поспешили уткнуться в свои шкафчики с вещами или сделали вид, что неожиданно обнаружили нечто

очень интересное на шнурках собственных ботинок.

Алисе, так понравившейся Артёму, было шестнадцать лет, и она действительно являлась одной из самых красивых девочек на потоке. Всё в ней было очаровательно – и светлые густые волосы, и фигура, и высокая грудь, но особенно хороши были губы, недаром пленившие Андрея – как будто чуть припухшие, яркие, сочные. Эти губы были точно созданы для поцелуев, а не для скучных пересказов параграфов из обществознания под началом унылейшего в мире педагога – шестидесятилетней Ларисы Аркадьевны, сухопарой дамы с противным скрипучим голосом.

С Андреем Алиса познакомилась на стадионе – как ни старалась администрация, в течение дня возникали моменты, когда парни и девушки пересекались друг с другом – помимо стадиона, это могло случиться в столовой, а также на официальных мероприятиях. Когда приезжало высокое начальство из Москвы, бойскауты встречали гостей из столицы на торжественной линейке, и парням с девушками приходилось стоять попарно друг с другом, что вызывало у первых любопытство, а у вторых – трусость и порой даже панику. Читатель должен помнить, что психика девушек – бойскаутов, по сравнению с девушками, выросшими в обычных семьях, сильно страдала. Тотальный запрет на аборт, действовавший в стране, на свободе ещё можно было с трудом обойти, но в лагере он соблюдался неукоснительно – и в тех случаях, когда девушке лет пятнадцати – семнадцати случа-

лось залететь от парня (а иногда, увы, и от охранника или чиновника администрации), она немедленно и навсегда вывозилась из лагеря в специальное заведение для мам нежного возраста – в просторечии богадельню для дырок. Дальнейшая судьба такой девушки была незавидна, и она почти наверняка лишалась всяких перспектив в жизни. Кроме того, и по этой же причине, суровые тётушки, преподававшие на женских потоках, а больше всех – Георгина Матвеевна, которая раз в месяц обязательно проводила занятие политпропаганды – описывали девушкам всякие неприятности, которые могут произойти от парней, красочно рассказывали про изнасилования и про то, что главное достоинство девушки – это её девственность, которую нужно беречь. Порченная девушка, объясняли дамы – педагоги, на свободе будет никому не нужна. Разве что возьмут в уборщицы заштатной забегаловки. Поэтому все парни – и особенно парни более – менее красивые, представлялись девушкам – бойскаутам чудовищами, готовыми в любой момент напасть на них и лишить чести и всяких перспектив в жизни. Изоляция от парней давала девушкам богатую пищу для фантазии, потому что психологию живых, настоящих юношей мало кто из девушек представлял. Тем удивительнее (здесь, конечно, вступали в действие глубинные законы природы, законы жизни, которые никакая самая изошрённая пропаганда не могла задушить), что в лагере всё-таки находились девушки достаточно смелые, чтобы знакомиться с юношами и смеяться над за-

претами, по своей жестокости приближавшимися к сущему средневековью.

Алиса не была смелой. Она была просто любопытной девушкой. Её приводили в ужас последствия в виде детей – стоило только об этом подумать, как у неё холодело в груди. Но потом какое – то непонятное, щемящее влечение, которое она сама не могла определить, перевешивало, и она дрожащими пальцами перелистывала странички на своём планшете, вчитываясь в самые познавательные книги про мужчин, которые ей только удавалось найти. А ещё была музыка... Слушая голоса парней – нежные, романтические, ласкающие голоса, певшие о любви – Алиса никак не могла поверить, что эти голоса могут принадлежать монстрам, готовым растерзать девушку, оставшись с ней наедине. Присматриваясь издали к бойскаутам, обитавшим в городке, Алиса тоже не чувствовала особенного страха. Они были какие – то... обычные. Алиса полагала, что мужчинам полагается быть значительно менее смирными. Эти – которых она издали рассматривала в лагере – так же работали и учились от зари до зари, стояли в струнку на линейке, ходили в отведённый час в столовую, как она сама. Они совершенно не вызывали у Алисы того трепета, который у неё возникал в фантазиях, когда она воображала никогда ею не виданных, но где-то точно существовавших brutальных молодцов, готовых уволочь визжащую и сопротивляющуюся девицу в тёмный уголок для тёмного плотского удовольствия.

И вот в один из апрельских дней Алиса увидела на стадионе парня, похожего на тех парней, что являлись ей в грёзах. Этим парнем оказался Андрей Олешук.

Андрей бегал на стадионе чуть дольше положенного времени – час мальчиков уже закончился, наступила пересменка, когда стадион должны были занять девочки. Алиса пришла одной из первых, поскольку ей хотелось погулять в столь прекрасный день – было очень тепло, апрельское солнце старалось вовсю, и всё как будто искрилось. Пахло весной, трава зеленела с тем изумительным изумрудным оттенком, какой бывает только в это время года. Алиса потянулась, сделала несколько наклонов вперёд и в стороны, с наслаждением втянула в себя чистый весенний воздух, прежде чем начать упражнения со скакалкой, и вдруг... Вдруг она увидела видение. По дорожке летел, едва касаясь земли – сильный, красивый, невыносимо притягательный парень. Алиса в одно мгновение ощутила, что мечтала о нём всю жизнь. На самом деле, она не могла бы точно описать, какой именно тип парней ей нравится. В мечтах она представляла брюнета, который иногда почему – то оказывался блондином и менял рост от метра девяноста до метра семидесяти. Но теперь вся неопределённость исчезла – её мечтой был короткостриженный юноша ростом метр восемьдесят три, с большими бицепсами, открытым лицом и чуть близко посаженными глазами. Алиса застыла в оцепенении. Скакалка в её руке грустно повисла, совсем забытая хозяйкой.

Андрей закончил восьмой круг пробежки и собирался было пойти на девятый, но тут заметил девчачьего преподавателя физкультуры – Нину не то Владимировну, не то Вадимовну – она стояла у самого края дорожки с необыкновенно свирепым выражением лица, глядя на него в упор.

– Я всё, Нина Владимовна, – осклабился Андрей, прожевав отчество, в котором не был уверен. Физкультурница недовольно шикнула и в шутку замахнулась скакалкой с явным намерением хлестануть Олещука по ягодицам, но тот ловко увернулся.

Алиса беспомощно наблюдала за этой сценой в полном оцепенении. Спортивная сумка парня лежала в нескольких шагах от неё, и он должен был вот – вот подойти к девушке. Заметит или нет? Обратит ли внимание? Алиса совершенно не знала, как ей себя вести. Будь она даже наедине с этим парнем, ей бы никогда не хватило духу заговорить с ним, но она могла попробовать ему улыбнуться. Теперь же, под прицельными взглядами физкультурницы и начавших подходить подруг, она смертельно боялась сделать даже это. Но ей ужасно хотелось узнать хотя бы имя парня. Ведь бойскаутский городок такой огромный – больше 20 тысяч человек, и как ей потом его искать, как поглядеть на него ещё хоть немного?

Парень подошёл к своей сумке, достал оттуда бутылку воды и жадно припал к ней, делая большие глотки. Алиса проводила парня глазами и повернулась в его сторону, как те

одуванчики, что поворачивают днём свои светлые макушки вслед за солнцем. Андрей, выпив полбутылки, опустил голову, посмотрел налево, и только тут заметил красивую девушку, стоящую едва не на расстоянии вытянутой руки от него и пожирающую его глазами. Его позабавил этот взгляд, который был молчаливым комплиментом его внешности и спортивной форме, но одновременно он ощутил желание заговорить – так хороша была девушка.

– Привет, познакомимся?

– М-м – м... – только и выдавила из себя Алиса. Ей тут же стало стыдно своей трусости и беспомощности, и от этого она вдобавок покраснела.

– Ты чего? В первый раз с парнем говоришь? – спросил Андрей с улыбкой и поднял брови.

– М-м – м... – снова промямлила Алиса, потому что не сообразила, что отвечать. С парнями – если так называть простых забитых бойскаутов – она, конечно, иногда общалась, но с парнями, от вида которых моментально становилось горячо внизу живота, она не говорила никогда раньше, и даже до этого дня таких не видела.

– Ты немая? – удивился Андрей.

– Нет, – выпалила она.

– Здорово. Было бы оч. грустно, если б такая красивая девушка не могла говорить. Меня Андрей зовут, а тебя?

– Алиса.

– Алиса. Как красиво. Ты, конечно, из Зазеркалья. У нас

в лагере таких красивых девушек не водится. А правда, из какого ты потока?

– Из... десятого... десять двенадцать, – запинаясь, произнесла она.

– А, знаю. Это через три дома от меня. Можем встречаться по утрам перед линейкой, если не трусишь. Будем говорить друг другу приятные глупости.

– Глупости?

– Ну да. Желать друг другу нескучного дня и всё такое. Тебе что, не хочется со мной встречаться? Я тебе не нравлюсь?

– Ты... Н-н – н... – Алиса почувствовала приближение обморока, но взяла себя в руки. От мысли, что парень её мечты предлагает ей встречаться, можно было сойти с ума. – Наоборот. Но... как это можно? Нас же заметят.

– Да брось, никто не заметит. Кого ты так боишься?

Алиса боязливо покосилась на физкультурницу, которая вдалеке возилась с секундомером и эстафетными палочками.

– Педагогов боюсь... очень. Они у нас суровые.

– Здесь многие девчонки встречаются с парнями, и никто ещё не умер. Дай мне, пожалуйста, свою руку, – Андрей пристально посмотрел в глаза Алисы.

– Зачем?

– Хочу, чтобы ты почувствовала, что мне можно доверять.

Алиса протянула свою дрожащую ладонь Андрею, и он

положил её на свою левую ладонь, а потом накрыл сверху правой. Алиса почувствовала тепло чужих мужских рук, и это было волшебное и страшное ощущение. Сердце её билось со скоростью двести ударов в минуту, как у гонщика Формулы-1 перед стартом. Несколько секунд они стояли так, Андрей лукаво улыбался, глядя ей в глаза, и эти секунды казались ей вечностью. От его улыбки не хотелось и не было никакой возможности оторвать взгляд.

– Вот так. Теперь лучше?

– Да, – Алиса кивнула.

– Ну так что, ты согласна завтра увидеться в полвосьмого? Думай скорее, Алиса, а то нас сейчас и вправду заметят.

– Согласна. А где?

– За главным зданием столовой есть скверик. Там по утрам никого не бывает. И он почти на одинаковом расстоянии от наших домов, всего в трёх минутах ходьбы. Я буду там в 7.20.

– Хорошо. Только не опаздывай... я очень боюсь оказаться там одна... если ты опоздаешь, я умру от страха, – зачестила Алиса, и тревога, нарисовавшаяся на лице, сделала её из красивой просто очаровательной.

– Обязательно приду, – успокоил её Андрей. – Как я могу не прийти, если ты самая красивая девушка из всех, кого я встречал?

– А ты многих встречал?

– Ну, я немножко общаюсь с девушками, – про «немнож-

ко» Андрей солгал.

– А у тебя с девушками было... ну, сам понимаешь...

– Нет, что ты, ничего серьёзного. Только целовался пару раз, – тут Андрей солгал сильно.

– Ого. И ты это называешь «ничего серьёзного»? Наши педагоги за такое в монастырь упрячут, наверное, если узнают.

– Алиса, но в этом же нет ничего страшного. Поцелуй – это всего лишь поцелуй. Ты же не побоялась дать мне подержать свою руку.

– Ах, ну это совсем другое.

– Ничего не другое. Мы поделились друг с другом теплом своих рук. А можем поделиться теплом своих губ. Хочешь, мы завтра попробуем?

Алиса стала пунцовой, как помидор, но ничто на свете не могло заставить её произнести «нет».

Тут, на её счастье, Нина Владимировна, недоумевающая, почему Алисы так долго нет среди других воспитанниц, окрикнула её:

– Снегирёва! Ты чем там занята?

– Уже иду, Нина Владимировна! Немного ногу потянула!

Андрей аккуратно отошёл от Алисы на несколько шагов, в то время как физкультурница подозрительно переводила взгляд с Алисы на Олещука и обратно.

– Ты ему глазки не строй! – сурово предупредила она. – А то тут некоторые строят глазки, а потом уезжают с детьми

в далёкое путешествие.

Алиса ничего не ответила и потупила взгляд.

– Старая кикимора, – тихо процедил Андрей и, обернувшись, чтоб поглазеть на Алису ещё разок, направился к выходу со стадиона.

Весь остаток дня и почти всю ночь накануне встречи Алиса волновалась, не спала и думала о своём счастье. Всё вокруг казалось прекрасным и радостным – липы, дома, птицы и даже суровые лица педагогов. Вечером, перед тем, как лечь спать, Алиса погляделась в зеркало и показалась себе такой красивой, как никогда раньше. А вопрос о том, дать или не давать себя поцеловать на свидании, казался ей самым серьёзным вопросом, который она когда – либо решала в жизни.

Андрей, напротив, провёл день и ночь спокойнее и увереннее обычного, он с большим аппетитом поел и превосходно выспался. Алиса очень ему понравилась, в ней было что-то удивительно свежее и чистое, как в родниковой воде, и он решил добиться эту девушку как можно быстрее. Андрей уже мысленно выбирал местечко в лагере, где Алиса даст ему подержать все свои прелести, скрывающиеся под бойскаутской формой.

Утро выдалось довольно ветреным. Алиса, которую потряхивало и от холода, и, в гораздо большей степени, от необычных ощущений, зябко поводила плечами, пока шла в скверик. Андрей уже дожидался её там.

– Привет, Алиса. Ух, как я рад, что ты пришла!

– Доброе утро, – немного стесняясь и глядя Андрею в глаза, ответила она.

– Ты что бледная такая? Простудилась?

– Нет, просто немножко замёрзла.

– Согреть тебя?

– Как?

– Можно, я тебя обниму?

Алиса задумалась. Про поцелуй она уже почти решила, что готова попробовать, но про объятия... Впрочем, думать было некогда. Взгляд Андрея был таким тёплым, таким томлящим и сладостным...

– Да, хорошо.

Андрей крепко обнял всю трепещущую Алису, и они стояли так минуту или две. Очень скоро Алиса успокоилась и перестала дрожать – обниматься оказалось очень приятно, совсем не страшно и так тепло, точно она лежала под любимым одеялом.

– А погладить по голове тебя можно? – прошептал Андрей в самое её ухо.

Алиса мурлыкнула в знак согласия.

В ту же секунду ей стало ещё приятнее и теплее – Андрей плавно гладил её по голове, и Алисе представилось, что это огромный домашний тигр водит по её волосам мягкой лапой.

– Мне так приятно, – сказала она, чуть – чуть удивляясь собственной смелости.

– А мне – то как приятно! Ты такая хорошая, Алиса!

Тут Андрей не выдержал и, прежде, чем Алиса успела что-то сообразить, нежно взял её за подбородок и стал целовать в губы, причём сразу начал шурудить во рту девушки сильным языком. Алиса от неожиданности не успела даже вздрогнуть, а через мгновение, когда язык Андрея уже знакомился с её языком, было уже поздно сопротивляться, да и не хотелось. Она вся в секунду размякла, и Андрей, почувствовав это, прижался к ней плотнее и обнял поудобнее. Продолжался этот поцелуй долго, очень долго. Лишь когда Андрей опустил правую руку и начал не гладить, а скорее исследовать ею грудь девушки, а ниже пояса Андрея Алиса ощутила странное напряжение, она наконец отстранилась. Для этого потребовалось немалое усилие, потому что Андрей совсем не хотел её отпускать.

– Ты чего? – спросил он. – Я что-то не так сделал?

– Не трогай меня... здесь, – она ладонью провела по груди, – не надо.

– Ты уверена? Ладно, не буду.

Алиса улыбнулась:

– Время кончается. Наверное, уже без двадцати восемь.

Андрей посмотрел на Алису взглядом собаки, у которой отняли из – под носа миску с едой, когда она только начала есть. Сглотнув слюну, он пробормотал:

– Конечно. Сейчас я посмотрю, сколько времени.

На часах было семь сорок пять.

– Ой, мы уже опаздываем, – забеспокоилась Алиса. –
Вдруг нас уже ищут.

– Да не бойся, не ищут. Слушай меня. Мы должны выйти из сквера по отдельности – сперва ты, потом, через несколько минут, я. Так никто не заметит, что мы были вместе.

– Ага, хорошо.

Алиса уже собралась уходить, но остановилась, потому что Андрей положил ей руку на плечо.

– Ты завтра придёшь? Обещаю, я буду хорошим мальчиком.

Она улыбнулась:

– Да, приду... Я, кажется, люблю тебя, Андрей.

Губы Олещука растянулись в широкой улыбке и он даже шумно задышал:

– Правда?

– Ещё не знаю. Но я такого не чувствовала раньше.

Сказав это, Алиса повернулась и, стараясь не встречаться с Андреем взглядом, почти выбежала из сквера.

Олещук стоял в сквере ещё минут пять и только огромным усилием воли заставлял себя не прыгать от радости. Эта девушка была прекрасна, как принцесса из сказки. Её глаза, её грудь, её волосы, её кожа – всё казалось Андрею идеальным. Он дал себе слово, что будет обладать ею и тихо шептал: «Я тоже люблю. Я тоже люблю тебя, моя потрясающая Алиса».

И был день, и день был прекрасен. После обеда над лаге-

рем зарядил дождь, он лил до самой ночи – но такого праздничного и радостно журчащего дождя Алиса и Андрей не могли вспомнить за всю жизнь. Лес вдали стал из зелёного изумрудным, бежевые обои в комнатах и аудиториях казались жёлтыми и розовыми, борщ в тарелке имел вкус деликатеса, который подают на стол королям. А утро обещало быть ещё изумительнее.

Утром Андрей проснулся ещё до рассвета, чувствуя лёгкость во всём теле и желание совершить подвиг – он мог бы с лёгкостью пробежать десять километров и не устать. Больше часа он ходил взад – вперёд по комнате и не находил себе места, раздосадованно глядя на минутную стрелку, которая так медленно ползла в часах. В семь часов и одну минуту он самым первым выбежал из дома бойскаутов – так что удивлённый комендант даже поднял брови – и ринулся к скверу. Андрей почти обезумел от любви и желания, он был возбуждён – и по нему было видно, что он почти обезумел и возбуждён. Он хотел обладать Алисой, хотел её целовать, ощущать её тепло и дыхание, слышать её стоны и глядеть в молящие глаза. Он так страстно и отчаянно хотел Алису, что не мог и не хотел думать, что она в то же время может чувствовать нечто другое. Она должна, она обязана была ответить ему взаимностью, растаять в его объятиях, покориться и подчиниться.

Алиса пришла в скверик в четверть восьмого с застенчивой улыбкой, и Андрей тут же набросился на неё с объяти-

ями, чуть ли не рыча и плача. Она даже испугалась такого напора.

– Что с тобой? Ты горячий. У тебя жар?

– Не знаю. Мне жарко, потому что я всё время думал о тебе. Я ужасно соскучился по тебе, Алиса.

– Но... ты плачешь? – она провела указательным пальцем по его мокрой щеке.

– Может быть.

Андрей снова начал обнимать и целовать Алису, и она снова, как накануне, почувствовала его руки на груди и ниже пояса. Это совсем не понравилось Алисе, и она начала вырываться. Андрей не пускал её, и тогда она пошла на крайний приём – сильно, как показывали на уроках самообороны для девочек, надавила ему пальцами в область печени.

Андрей вскрикнул:

– Ты что?!

– Прости, но я не могу так. Если мы будем продолжать, у нас будет ребёнок.

– А ты думаешь, у тебя и так его не будет? Годом раньше, годом позже – всё равно забеременеешь, – рассердился Андрей, опять пытаясь обхватить Алису за плечи.

– Я не хочу... – стараясь высвободиться, сказала она.

– Чего ты не хочешь? Меня?

– Не хочу, чтобы меня увезли отсюда в богадельню для мамаш или в монастырь. Ты же знаешь, с детьми здесь нельзя.

– Послушай, ты!.. Ты женщина, у тебя в этой стране одна дорога: найти мужчину и завести детей! Если не будешь со мной, тебя подберёт директор лагеря или такой же, как он, пятидесятилетний жирдяй, охочий до молодого мяса. И ты точно так же забеременеешь и уедешь отсюда в богадельню, да ещё, пожалуй, в Сибирь, чтобы не компрометировать приличных людей. А если даже не залетишь до восемнадцати лет, на воле выйдешь замуж за какого-нибудь клерка с лысиной и однушкой в трущобе. И ты это сделаешь, потому что некуда будет деваться. А теперь посмотри на меня – самый классный парень всего потока предлагает тебе свою любовь, половина девчонок за одну ночь со мной удавиться готовы, а ты ещё брезгуешь?!

Андрей расвирепел и стал страшен. Алиса стала в ужасе пятиться от него, но ноги плохо слушались, потому что она была загипнотизирована жутким взглядом Андрея.

– Ты... ты сумасшедший. Не приближайся ко мне!

– Что? Что ты сказала? Повтори.

– Не приближайся ко мне! Я закричу!

Андрей, у которого перед глазами всё поплыло, протянул вперёд руки – то ли для того, чтобы схватить Алису и не дать ей закричать, то ли для того, чтобы задушить – но она увернулась и выбежала из сквера.

Он постоял, глядя ей вслед, в полном одурении, а потом присел на корточки. Мир опустел. Всё стало тусклым. Мертвенно – зелёного цвета трава, примятая его ногами, распрям-

лялась как в замедленной съёмке – одна травинка, вторая, третья. Небо, серое небо хмурилось и могло вот – вот разразиться дождём. Андрей поглядел на свои сильные руки, на идеальный пресс, которым всегда гордился, и мысль, что всё это оказалось не нужным тому единственному в мире человеку, которого он теперь любил, стала невыносимой. Он нащупал к кармане перочинный ножик, в своё время украденный из кабинета завхоза, и поднёс его к левой руке, затем передвинул его к запястью, затем чуть задумался... и трудным, медленным движением, точно борясь с кем – то невидимым, спрятал нож обратно. Какой – то тихий, неведомый голосок слева нашёптывал Андрею: «Режь», но он сумел его перебороть.

Распрямившись, Андрей встал и печально побрёл в сторону плаца. Бойскауты – бодрые или изображавшие бодрость – строились в шеренги, как это бывало каждое утро, и отпускали свои обычные дежурные шуточки по поводу холодной погоды, взорвавшегося накануне в кухне котла с кашей и какой – то популярной песни. Всё было, на первый взгляд, так же, как всегда, и всё-таки Андрей почувствовал перемену. Впервые за время жизни в лагере он ощутил жгучую ненависть к знакомым зданиям, порядкам, педагогам и, в особенности, к тем из них, кто преподавал и пропагандировал среди девушек, превращая прекрасных юных красавиц, созданных, по мнению Андрея, для любви и глубоких чувств, в подобие морских свинок, шарахающихся от ужаса при ви-

де парня. Андрей думал, что это неправильно, несправедливо, издевательство – ему, всегда избалованному вниманием, редко приходилось так глубоко переживать эти чувства, которые большинству бойскаутов были знакомы гораздо лучше. Он поклялся отомстить.

Четвёртая глава

Утро 28 июня 2031–го года я помню так же ясно, как если бы оно случилось вчера. Стояла жаркая, по – африкански жаркая погода, и на восьмичасовой линейке солнце уже пекло вовсю: многие бойскауты даже расстегнули верхние пуговицы на воротничках (единственная вольность, которая позволялась летом в форме одежды). Поскольку Георгина Матвеевна запаздывала, парни тихо болтали, смеялись и обсуждали новость – кто-то пустил слух, что в августе по соседству с лагерем должен пройти фестиваль воздушных шаров. Такого первостатейного праздника в нашем захолустье не было никогда. Музыкальные группы и столичные знаменитости даже Белгород обычно объезжали стороной, а уж область и подавно. Было неясно, позволят ли кому – то поехать на фестиваль на экскурсию, но все на это надеялись, и надежда создавала у бойскаутов приподнятое настроение. Я тоже участвовал в разговоре, пока мне сзади на плечо не легла чья – то рука. Обернувшись, я увидел Илью Букетова. Лицо у моего друга было крайне встревоженным.

– Ты чего? Случилось что-то?

– Да. Твиттер с утра читал?

– Нет, ещё не успел. А что там?

Илья молча развернул ко мне экран смартфона, и я, сфокусировав взгляд, прочёл целую серию сообщений:

«Взрывы в Москве и Новосибирске. Более 200 погибших, раненых непонятно сколько».

«Люди, я только что с улицы Фонвизина, там АД! Развалины дымятся, части тел валяются прямо на улице, полиция ещё не успела всё оцепить».

«Во взорванном доме жила моя студенческая подруга! Господи, за что?! Она только что обвенчалась со своим парнем!»

«Говорят, рвануло ровно в шесть утра, когда почти все жильцы были дома».

«Доигрались. Джихадисты и их долбаный джихадстан добрался до Москвы!»

– Ужас какой, – сказал я мрачно и поглядел на Илью. – Может, и вправду скоро начнётся?

– Может быть. Я именно этого и боюсь.

В мире в это время происходили тревожные события. После того, как Саудовская Аравия, Штаты и их союзники в 2018 году разгромили государство радикальных исламистов, на Ближнем Востоке и в Средней Азии некоторое время царил хрупкий мир. Время от времени случались теракты, нападения разрозненных банд на города, но на фоне войны и опустошения это казалось пробуждением после кошмара. Однако, довольно быстро начали сгущаться тучи. В 2020 году Восток сотрясла серия чудовищных взрывов в посольствах и торговых центрах – все они произошли в течение недели, причём и в таких благополучных ранее странах, как

Саудовская Аравия и Катар – всего погибло несколько тысяч людей. Почти сразу же после кровавой недели в Интернете появилось видеообращение человека, который взял на себя ответственность за взрывы – был он в чёрной маске с прорезями для глаз, и представился верховным распорядителем «Великого государства джихадистов Азии, Африки и Европы». Распорядитель сразу получил в мировых СМИ прозвище Маска. В своём первом обращении Маска сообщил, что подчинённые ему джихадисты оправдись от разгрома, учинённого союзниками, и в ближайшее время свергнут правительства Ирана, Афганистана, Пакистана и среднеазиатских республик, чтобы объединиться под его властью в самое ужасное восточное государство со времён Чингисхана. Маска добавил, что в скором будущем джихадисты также вторгнутся на Аравийский полуостров, в южную Россию и Западный Китай, и ничто не сможет их остановить, поскольку они получили доступ к ядерному оружию.

Рассказы о ядерном оружии были похожи на пиар и саморекламу, и мир легкомысленно отнёсся к угрозам. Китай заявил, что любые негодяи, посягающие на жизнь граждан Поднебесной, будут уничтожены, Штаты ограничились тем, что назвали Маску мировым террористом № 1, но фактически для обнаружения злодея несколько месяцев делалось мало. А потом стало слишком поздно. За несколько недель пали правительства Афганистана и Таджикистана, были казнены несколько начальников областей в восточном Иране.

Все эти территории оказались в руках джихадистов. Армии Ирана и Афганистана, на бумаге многочисленные и неплохо вооружённые, почти всюду бежали, спасаясь от неожиданно хорошо обученных и профессиональных бойцов джихадистского государства. В захваченных местностях джихадисты устроили средневековые зверства: несколько городов, вздумавших оказать сопротивление террористам, были вырезаны почти поголовно, молодые женщины и дети обезглавлены. Правительства Ирана, Узбекистана и Пакистана звали о помощи к США, Китаю и России, но тщетно: те все не готовы были вести полномасштабную войну в невыгодных условиях, среди гор и враждебно настроенного населения. Вашингтон, впрочем, озаботился тем, чтобы ядерный запас Пакистана не достался Маске – всё ядерное оружие страны было свезено на юг, в портовый Карачи, и под защитой контингента западных войск вывезено в безопасное место. Ядерные заводы Пакистана были выведены из строя.

К 2031-му году зараза распозлась почти по всему Ближнему Востоку и Средней Азии – Узбекистан и Туркменистан пали, правительство Ирана сидело в Тегеране почти в осаде, пакистанское правительство контролировало только юг страны, в Ираке и Сирии царил анархия. Маска усилился неимоверно, и в середине июня, как раз накануне взрывов в России, заявил, что готов к нападению на Север (Россию, Казахстан), Восток (Китай, Индию) или Юг (Аравию) – однако же, не сказав, где нанесёт первый удар.

Тем утром мы поняли, что первый удар будет нанесён в нашем направлении. Правительство Казахстана, очень опасаясь за свою независимость и суверенитет, так и не дало согласия на размещение российских войск на своей территории, и последние годы занималось тем, что пыталось поднять боеспособность своей небольшой армии. Однако безудержная исламистская пропаганда, распolzавшаяся по стране вместе с джихадистскими лазутчиками, проникавшими сквозь дырявую границу, привела к тому, что даже на армию нельзя было вполне полагаться. По всему выходило, что Казахстан – самая лёгкая добыча Маски. Взрывы в Москве и Новосибирске, как мы с Ильёй решили, были всего лишь предупредительными выстрелами – они должны были посеять смуту в российском руководстве и удержать его от войны.

Георгина Матвеевна, выйдя на линейку, ни слова не сказала о произошедшем. Очевидно, администрация лагеря ждала инструкций из Москвы, чтобы рассказать о взрывах в правильном свете.

На первой паре мы устроили нечто вроде соцопроса – Илья попросил парней перекидывать ему бумажки с короткими словами «Будет» или «Не будет». Разумеется, спор шёл о том, начнётся или не начнётся война. Результаты оказались следующие: «Будет» – 22, «Не будет» – 25. Когда записки обошли ряды, из динамика раздался голос директора:

«Бойскауты, минутку внимания. Отложите Ваши планше-

ты и ручки в стороны. Сегодня в шесть утра по московскому времени в столице и Новосибирске произошли теракты. Неизвестные мерзавцы, лишённые чести и мужества, заложили бомбы в жилые дома. К сожалению, взрывы унесли много жизней. Раненым оказывается вся необходимая помощь, пострадавшие и оставшиеся без родных и жилья получают компенсации от государства. Я хочу сказать вам, что только трусливые и ничтожные личности нападают из – за угла и бьют в спину. Последняя низость – лишать жизни мирных, ни в чём не повинных людей. Кем бы ни были те негодяи, что совершили сегодня гнусную атаку, мы точно знаем, что они трусы. Они побоялись нападать на наших солдат, на нашу полицию, побоялись драться в открытую. Мы не боимся этих трусливых людей. Мы найдём их – в какой бы точке земного шара они ни находились, и заставим заплатить цену за жизни наших братьев и сестёр. Сегодняшние взрывы также напомнили нам, как хрупка человеческая жизнь, и как мало времени нам отведено на свете. Очень важно не растратить это время попусту, чтобы успеть совершить что-нибудь полезное, чтобы насладиться обществом друзей и близких. Цените жизнь и отнеситесь с особенной теплотой к друзьям в этот день. И вспомним тех, кто сегодня покинул этот мир. Я прошу вас встать для минуты молчания».

Все встали.

Я живо представил картинки, на которых спасатели, надрывно крича, достают из – под дымящихся развалин живых

и полуживых людей. Специально обученные овчарки в моём воображении припадали лапами к земле, указывая место, где нужно искать, слышались вопли несчастных, которым раздавило бетонными блоками руки или ноги, и это была настолько грозная и волнующая сцена, что моё лицо во время минуты молчания, вероятно, выражало вместо подобающей скорби неуместную в своей жизнерадостности одухотворённость.

Голос из динамика зазвучал вновь:

«Спасибо. Прошу садиться. Занятия продолжатся в обычном режиме».

Мы сели так торжественно, как будто только что завершили участие в похоронах. Лектор, поправив очки, забубнил про геометрию, а я подумал, что обычным режимом дело теперь точно не кончится. Если даже войны не будет, нас заставят, вероятно, в два раза чаще присутствовать на патриотических лекциях и фильмах, которые и так в горле стоят, ну а если война будет... Ух, об этом не хотелось даже и думать.

Весь день мы только и делали, что читали ленты новостей, в особенности же мы ждали вестей с южных рубежей. Казахские власти совершали судорожные движения – привели армию в повышенную боевую готовность, назначили и отменили выступление министра обороны, заверили население, что государство надёжно защищено, а потом неявно намекнули, что возможна частичная эвакуация людей из приграничных районов. Новостей о том, что Россия готова в случае напа-

дения вступить за Казахстан, не было, или, во всяком случае, о них не объявляли официально. Россия была вынуждена вести себя осторожно – никто достоверно не знал, есть ли у Маски ядерное и химическое оружие, которым он постоянно похвалялся.

Казалось, что нашему лагерю волноваться не из – за чего: у одарённых бойскаутов, которых собрали в «Ромашке», была бронь от призыва в армию – туда забирали только самый небольшой процент парней, которые не успевали в учёбе и подходили к восемнадцатилетию с плохим средним баллом. Если не ошибаюсь, в армию попадали лишь 3–4 % парней. Но мы беспокоились и за эти 3–4 %. А, кроме того, мы чувствовали солидарность с другими бойскаутами – ведь из лагерей, где росли ребята попроще, российская армия пополнялась больше чем наполовину. Там призывали едва ли не 60 % всех учащихся – за исключением тех, кто действительно не мог нести службу по состоянию здоровья и крохотной прослойки парней с самыми высокими баллами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.